

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ТЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ МОНГОЛИЯ
ХОВДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

ВЫПУСК II

БАРНАУЛ 2008

УДК 29(571.1/.5) + 29 (1-952.3)
ББК 86.29(253.7)я43 + 86.29(54)я43
М – 64

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук П.К. Дашковский

Редакционная коллегия
доктор исторических наук Л.Н. Ермоленко
доктор культурологи Л.С. Марсадолов
доктор исторических наук А.А. Тишкин
доктор исторических наук А.В. Харинский
доктор исторических наук С.А. Яценко
кандидат исторических наук Р.А. Кушнерик
кандидат педагогических наук Н. Цэдэв

Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей / под ред. П.К. Дашковского. – Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. – Вып. II. – 303 с.

В сборнике представлены результаты изучения различных мировоззренческих систем народов, проживавших на территории Южной Сибири и Центральной Азии в древности, эпоху средневековья и период этнографической современности. Ряд работ посвящен изучению религиозных верований и обрядов современных традиционных обществ, а также новым религиозным движениям. Издание рассчитано на религиоведов, историков, археологов, этнографов, культурологов и всех интересующихся историей духовной культуры.

ISBN–978–5–93957–218–7

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии (проект №08-01-92004а/G, тема «Этносоциальные процессы и формирование синкретичных мировоззренческих систем у кочевников Алтая и Северо-Западной Монголии») и Фонда Президента РФ (проект №МК-132.2008.6, тема «Формирование и эволюция мировоззренческих систем в контексте культурно-исторических и этнополитических аспектов развития кочевников Южной Сибири в эпоху поздней древности и раннего средневековья»)

На обложке антропоморфная личина из могильника Чинета-II (раскопки П.К. Дашковского, рисунок А.Л. Кунгурова)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДИСЛОВИЕ	5
I. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ	7
<i>А.Л. Кунгуров</i> Проблема сложения менталитета древнейших обществ Алтая	7
<i>Ю.Б. Сериков</i> Использование фрагментов керамики в культах и ритуалах	11
<i>С. В. Сотникова</i> Опыт реконструкции Алакульских представлений о мире (по материалам могильника Ермак-IV).....	32
<i>А.А. Горячев</i> О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайляу в Чуилийских горах	44
<i>Н.И. Рыбаков</i> «Солнце-луна» в петроглифах Июсских степей.....	60
<i>П.К. Дашковский, Н.Н. Серегин</i> Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья	83
<i>Л.Н. Ермоленко</i> Об отзвуках героического эпоса в письменных памятниках, содержащих сведения о кочевых народах	101
<i>А.И. Тугутов</i> Гадание и традиционное мировоззрение монголов	115
<i>М.В. Егорочкин</i> Комплекс вооружения «Ай-Хуучин» (К вопросу исторической интерпритации эпических паноплий).....	124
<i>А.А. Курапов</i> Формирование и реализация социально-политической доктрины буддизма в отдельных национальных традициях.....	140
<i>С.А. Комиссаров</i> Соотношение мифологических систем Китая и Кореи	153

**II. ПАЛЕОАСТРОНОМИЧЕСКИЕ
И ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
РИТУАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ..... 158**

В.Е. Ларичев

Космогония и космология жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири (астральная теогония и протонаука в символах и образах протохрама «Сотворение Вселенной» Северной Хакасии) 158

В.Е. Ларичев, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева

Астрономические, календарные и религиозно-мифологические принципы размещения в пространстве гробниц раннего железного века Северной Хакасии (на примере могильного поля, опорных плит и визирных лимбов окрестностей святилища Саратовский Сундук)..... 182

Л.С. Марсадолов, Н.В. Дмитриева, В.А. Иконников

Первые палеоастрономические исследования на святилище у горы
Монастыри на Западном Алтае 207

Ю.И. Ожередов

Сакральные сооружения в сомонном центре Эрдэнэ-Бурэн
Ховдского аймака Западной Монголии 219

М.А. Дэвлет

Каменная плита 01-00 из кургана Аржан-2 в контексте петроглифов Тувы... 233

**III. СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ
И ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ
И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ..... 241**

Е.В. Нам

Представления о смерти в античной культурной традиции
и шаманском мировоззрении народов Сибири 241

В.М. Мендешева

Конь в традиционной культуре алтайцев..... 250

Б.Ю. Кичекова

Отражение традиционного мировоззрения алтайцев в национальной одежде. 260

Э.В. Енчинов

Правовые обычаи связанные с беременностью в традиционном
мировоззрении алтайцев..... 271

Н.К. Смагулов

Факторы панисламизма и пантюркизма в контексте проведения
большевистским правительством внешней политики и территориального
размеживания среднеазиатских государств в 1917–1924 гг..... 277

Р.В. Шиженский

Иерархическое положение волхвов в структуре русских неоязыческих
организаций 288

Список информантов:

1. Келюева Виктория Албертовна, 1983 г.р. (Онгудайский район, с. Нижняя-Талда. Республика Алтай).
2. Юкубалин Трофим Каинчинович, 1935 г.р. (Усть-Канский район, с. Озерное, Республика Алтай).
3. Юкубалиной Розы Трофимовной, 1952 г.р. (Усть-Канский район, с. Экинур, Республика Алтай).

Библиографический список

1. Бутинов Н.А. Детство в условиях общинно-родового строя // Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. М., 1992. С. 5–17.
2. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 270 с.
3. Муйтуева В.А., Чочкина М.П. Алтай Жан. Горно-Алтайск, 1996. 208 с.
4. Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. ред. Н.И. Новикова, В.А. Тишков. М., 2000. С. 7–18.
5. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. 184 с.

Н.К. Смагулов

*Карагандинский государственный университет
им. Е.А. Букетова, г. Караганда, Республика Казахстан*

ФАКТОРЫ ПАНИСЛАМИЗМА И ПАНТЮРКИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ БОЛЬШЕВИСТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖИВАНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ГОСУДАРСТВ В 1917–1924 ГГ.

Большая по масштабности территория «Николаевской» Азии досталась советскому правительству в 1917 году в наследство от Временного правительства Керенского. Вопрос о переустройстве этих территорий: реформирование экономики, трансформация государственной системы управления и власти, проведение социальной политики и многое другое, особенно в период гражданской войны, был преждевременным. Естественно, говорить о том, что эти задачи не решались, было бы не правильно, но все же, главной задачей большевиков и советского правительства было сохранение территориальных рамок павшей империи. Только при решении этого вопроса можно было параллельно ре-

шать все задачи социально-экономического и политического переустройства национальных областей и окраин. В этом отношении трудно отделить внутреннюю политику большевиков советского правительства от проводимой ими внешней политики. Обеспечение первой было невозможно без обеспечения второй, и наоборот.

Необходимо констатировать, что появление таких государств как Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Республика Кыргызстан, Таджикская Республика, Республика Туркменистан в их современных территориальных рамках есть результат длительной и кропотливой геополитической стратегии большевистского правительства, которое на период 1917–1924 гг. подготовила все условия для их создания. Это была расчетливая поэтапная геостратегия, которая обеспечивала «защиту национальных интересов» среднеазиатских народностей от внутрироссийских имперских сил. Иными словами, большевиками была успешно проведены внутривнутриполитические мероприятия, и одновременно осуществлена нейтрализация влияния стран-конкурентов в Центральной Азии, в частности Америки и Англии.

Гражданская война, борьба с силами антибольшевизма и антисоветизма на территории Казахстана и Туркестана, в качестве которых нередко выступали представители национальных партий, духовенства, общественно-политических движений и течений, противостояние сил басмаческого движения неоднократно подтверждали необходимость в проведении борьбы с внешними силами контрреволюции.

Советскому руководству, на наш взгляд, было довольно сложно работать на два фронта: с одной стороны, бороться с местной национальной интеллигенцией и духовенством, которые выступали в роли сепаратистов или крайних автономистов, а с другой, бороться с агентами основных внешних проамериканских и пробританских сил, которые оказывали финансовую помощь постимперской среднеазиатской клиентеле и всячески мешали проводить большевикам агитационную работу (ленинскую национальную политику) среди местного населения.

Противостояние Советов и Запада имело неоднозначные формы: от негласной информационной борьбы в дипломатических кругах и маневров во внешнеполитическом взаимодействии до открытой конфронтации на полях сражений.

Но не осуществлять взаимодействие (сотрудничество) с Западом, при всей его враждебности к Советам, не было смысла, по той одной причине, что имидж советской дипломатии играл большую роль в становлении Советского государства, и наоборот, Советское государство посредством проведения рациональной военной, экономической и социальной политики должно было создать имидж дипломатов за рубе-

жом, в целом. Как свидетельствует политика советских дипломатов «большевики видели, что нормальные стабильные отношения с капиталистическими державами могут способствовать предотвращению новой вооруженной интервенции против Советской России, а также увеличению кредитов, которые Советская республика стремилась получить от правительств этих стран» (О`Коннор Т.Э., 1991, с. 116).

Конечно, правительство Советов, осуществляя дипломатические миссии, решало не только вопросы территориальной целостности, проблемы определения государственных границ, их неприкасаемости, но в том числе и задачи экспорта революции и расширения своего политического влияния на близлежащие регионы, а по возможности и далее. Американский историк Тимоти Эдвард О`Коннор, проводя исследование такой значимой в советской внешней политике личности как Чичерин, писал «...Первоочередной задачей Чичерин считал сохранение Советского государства. Он подчеркивал, что для этого нужны искусная дипломатия, мирное сосуществование и отстаивание традиционных геополитических интересов России. В этом отношении он проявил себя верным и последовательным ленинцем.... Он пытался разъяснить новую политику советского правительства – как частично воспринявшую, частично отвергающую традиционные методы великодержавной политики» (О`Коннор Т.Э., 1991, с. 209, 212).

На наш взгляд, исследователь довольно четко подметил два немаловажных момента в деятельности внешнеполитического ведомства Советской России – т.н. «традиционные геополитические интересы России» и «традиционные методы великодержавной политики».

Верность державным традициям требовала от большевистских властей скрупулезной, щепетильной политики в отношении национальных областей, которые ставили по сомнению вопрос целостности имперской территории в ее прежних государственных границах. Причин для беспокойности о будущем территориального устройства советского государства было много:

- во-первых, гражданская война (1918–1920 гг.) и связанная с ней обреченность в успешном проведении советизации и большевизации края;
- во-вторых, рост пантюркистских настроений в Средней Азии и на юге Казахстана;
- в-третьих, расширение движения панисламизма за рубежом, и, как следствие в пределах постимперской российской «юрисдикции»;
- в-четвертых, усиление роли сепаратистского движения на национальных окраинах Советской России, инспирируемая представителями национальной интеллигенции и небольшевистских партий;

- в-пятых, диверсионно-подрывная деятельность и финансовая помощь местным сепаратистам и крайним автономистам, оказываемая из-за рубежа британскими, французскими и американскими шпионами, миссионерами, а также рядом дипломатов.

Нужно признать, что советское правительство, состоявшее из профессионалов своего дела, проявляла прозорливость в дипломатической борьбе со странами Западной Европы. Это объяснимо с точки зрения т.н. политики «двойных стандартов», которой Советская Россия придерживалась в своей традиционной державной политике: оккупация и ликвидация постимперских государственных образований (Туркестана, Бухарского и Хивинского эмиратов, Кокандской Автономии) носила характер освобождения территорий от оккупантов-западников, как в прямом, так и в переносном смысле. Среднеазиатской руководящей клике только оставалось выбирать между «большим и меньшим злом». На роль меньшего зла подходила по всем параметрам Советская Россия.

Можно было предположить изначальную обреченность Запада в геостратегической политике отторжения масштабной территории Азии от Советской России, и, наоборот, успех в осуществлении своих геополитических интересов Советской Россией. Объяснением этого явилась социально-политическая ориентация Запада на социальную верхушку среднеазиатских государственных образований, которая была представлена в меньшинстве, и социальный ориентир Большевицкой России, которая рассматривала своей социально-политической базой низшие слои местного населения, представлявшая численное большинство.

К тому же, если рассматривать геополитику Советов и Запада с точки зрения современной геополитики и политологии, то нужно признать, что Советы, в отличие от Запада, придавали национальным окраинам в их территориальных рамках более высокий статус государственного суверенитета и независимости. Это, на наш взгляд, со значимой выгодой отразилось на нынешнем положении Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Если излагать значимость сложившегося положения в контексте современных международных нормативных положений, к примеру, Устава ООН или Хельсинского заключительного акта ОБСЕ 1975 г., то геополитические стратегии капиталистических держав начала XX в. в отношении территории Советской России представлялись далеко не презентабельными.

К примеру, одним из ярких прецедентов демонстрации своей геополитики явился курс американского президента Вудро Вильсона. Официальная точка зрения американского правительства по вопросу о будущем России была сформулирована в комментарии к «14 пунктам» Виль-

сона. Комментарий предусматривал ликвидацию России как суверенной державы, отторжение от нее не только прибалтийских стран, но и Белоруссии, Украины, Кавказа, Средней Азии. Один из американских полковников в своих комментариях к «14 пунктам» Вильсона писал: «...Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т.е. коротко говоря к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората» (Березкин А., 1952, с. 80, 81).

Сам В.И. Ленин не мог не предполагать подобного исхода в случае успешного осуществления «14 пунктов» Вудро Вильсона. Но он также прекрасно понимал судьбу экспансионистской политики Запада. В.И. Ленин указывал, что английские и американские империалисты доведут себя до политического краха, «когда они обрекут свои войска на положение душителей и жандармов всей Европы». (Ленин В.И., 1973, с.138).

Какие задачи должно было решать Советское правительство, чтобы ликвидировать всяческие (указанные выше) угрозы расчленения территории, как внутривластными силами, так и извне Советской страны.

Главной задачей для советского правительства была политика, проведенная на опережение, а также упреждающая политика.

Итак, на наш взгляд, стоит выделить первую и главную проблему, которая была ярко выраженной проблемой для территорий Казахстана и Средней Азии, и которая носила потенциальную угрозу территориальной целостности и неприкосновенности границ Советской Азии. Это проблема этнического порядка – пантюркизм. Преимущество тюркского элемента в Казахстане, и особенно в Средней Азии было очевидным: территорию населяли такие этносы как узбеки, казахи, кыргызы, каракалпаки, уйгуры, турки, туркмены и многие другие. В контексте определения границы советского государства это было существенной проблемой: во-первых, потому, что сама территория России была представлена в этническом отношении и татарами, и башкирами, и чувашами, и буковскими казаками; во-вторых, территории, не входившие в сферу политического влияния Советов, также содержали тюркский элемент (Турция, СУАР Китая, Северо-восточные территории Персии, север Афганистана).

Отторжение от Советской России территорий на основе этнической консолидации (тюркской основе), чему всячески способствовали антисоветские силы, усугублялось влиянием религиозного фактора, а

именно Ислама. В этом отношении проблемой конфессионального порядка выступал панисламизм, который охватывал своим влиянием не только этнических тюрков, но том числе и таджиков, народы Закавказского региона и, что самое важное весь Северный Кавказ.

Создание государства на конфессиональной основе было ощущаемой опасностью для России в целом: политика «разделяй и властвуй», которая потенциально и реально осуществима в отношении этносов постимперской России, не была таковой в отношении государства, основанного на религиозных началах. Ислам консолидировал общество, не взирая на этническую, социальную, политическую и иную другую принадлежность каждого его члена. Большевики понимали это: за спиной оставалась недавно ушедшая Февральская революция 1917 г., которая предоставила мусульманам России возможность сорганизоваться и создать свою государственность, даже в пределах Федерации. Данное понимание, точнее осознание, обострилось после созыва Всероссийского Учредительного собрания 5 января 1918 года. Перед Учредительным собранием стояли насущные и кардинальные задачи по превращению бывшей империи в новое сообщество народов страны, построенное на федеративном принципе. Мусульманские народы возлагали на этот форум большие надежды. 1 января 1918 года в столицу съехались 7 депутатов – социалистов Учредительного собрания и на первом совещании, проходившем в Икомусе в тот же день, они единогласно постановили образовать самостоятельную мусульманскую социалистическую фракцию, в декларации которой по вопросу о форме государственного устройства страны была предложена такая формулировка: «Государство Российское провозглашается Российской демократической федеративной республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной конституцией пределах, суверенные, с признанием уже образовавшихся и находящихся в стадии образования, как например, Поволжского и Туркестанского штатов». Таким образом, как отмечает исследователь Исхаков С.М., в аграрном вопросе появилось стремление к приоритету одного из подходов, характерного в основном для поволжских и сибирских мусульман. Вместе с тем здесь была представлена возможность найти адекватные решения в новых условиях для другого подхода (в особенности для мусульман Северного Кавказа и Дагестана) (Исхаков С.М., 2003, с. 350–351).

Более того, следует сказать, что в Уфе на заседании меджлиса 3 января 1918 г. был вынесен проект штата (области) Идель-Урал, включавшего Казанскую и Уфимскую губернии полностью, а также отдельные районы Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской, Вят-

ской губерний, населенных преимущественно мусульманами (Исхаков С.М., 2003, с. 353).

Налицо все мероприятия, свидетельствующие о создании тюрко-мусульманского анклава на территории Российского государства.

Проведение «профилактических» мероприятий в отношении пантюркизма и панисламизма предполагал следующие действия Советского правительства:

- необходимо было проводить усиленную агитационную и идеологическую работу среди населения внутри страны;

- не допускать усиление позиций национальной интеллигенции и духовенства;

- оказывать постоянное противодействие «оплоту исламской консолидации» – басмачеству;

- ограничивать, по возможности, внешнеполитические сношения своих политических оппонентов в Туркестане, Бухарском и Хивинском эмиратах;

- не допускать прецедента создания новых государственных образований (Кокандской автономии и «Туркестанского мухторията»), способствовавших росту сепаратистских тенденций.

Мусульмане, как носители ценностей Ислама, а точнее законоположений – Шариата, являлись подчас взрывоопасной угрозой советской форме государственности, декларируемой СНК. Однако декларация мусульманской фракции Учредительного собрания никаким образом не свидетельствовала о том, что мусульмане были противниками Советов и большевиков, в частности. Изначально ортодоксы Ислама связывали свое национально-государственное будущее с Советской Россией. Но, все же, идеал предполагаемого сотрудничества был развеян сразу после роспуска большевиками Учредительного Собрания. По сути, это и было одно из первых профилактических мероприятий большевиков. Агитация и пропаганда Советов как органа, решавшего судьбу тысяч и сотен тысяч представителей многонациональной территории России, не допускала деятельность такого демократического органа как Учредительное собрание – единственной надежды мусульман.

Судя по всему, СНК не устраивала специфика построения территорий по принципу «штатов», так как внимание мусульман могло привлечь административно-территориальное деление США, где разработчики старались учесть национальные интересы как мусульман так и немусульман (Исхаков С.М., 2003, с. 350–354).

Если центральных мусульман России ВЦИК и СНК РСФСР, с помощью силового воздействия могли контролировать и оказывать психологическое давление, то на дальних южных рубежах националь-

ных окраин требовалась дипломатия по отношению к властной верхушке Туркестана, Коканда, Хивы и Бухары, так и утонченный подход ко всем этническим группам, проживавших на этих территориях. Приверженцы Ислама южных окраин, какими бы они не были либеральными или ортодоксальными по своему характеру, в отличие от своих северных собратьев, открыто выражали свою нетерпимость, причем не только к большевикам, но и к британцам.

Когда Кокандское правительство 10 января 1918г. известило о намерении созвать 20 марта свой парламент (из 234 депутатов) на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования с предоставлением немусульманскому населению 1/3 мест, то такой общетуркестанский парламент, несомненно, сплотил бы большинство туркестанцев и стал непреодолимым препятствием для большевиков.

Заметим, тезис о том, что Кокандская автономия выступала якобы за восстановление Кокандского ханства и учреждения Среднеазиатского халифата, а ее правительство, ориентированное на англичан, развернуло вооруженную борьбу за отделение Туркестана от России, и т.п. распространен среди исследователей. Исхаков С.М., ссылаясь на свидетельства британской разведки в Туркестане, пишет, что «на самом деле к январю 1918 года среди туркестанских мусульман наблюдались сильные антибританские настроения, которые были поддержаны политикой большевиков, разжигавших фанатизм мусульман, направляя его против Кокандской автономии. Чтобы не допустить появления Туркестанского парламента, местные большевики приступили к подготовке ликвидации Туркестанского Временного правительства, получив, разумеется, разрешение центра» (Исхаков С.М., 2003, с. 364–365). В этом прослеживалась «ленинская национальная политика», подменявшая тезисы Ислама на тезисы Большевизма, социальное расслоение – на классовый антагонизм, во всем противопоставляя светское (правительство) духовному (религиозным лидерам). Российский исследователь Исхаков С.М., ссылаясь на репортера Б. Ольгинского, описывает следующие события: «В результате треть старого города была уничтожена полностью, везде были горы трупов, погибло несколько тысяч мусульман, русских – до 100 человек. Несмотря на подобные жертвы, никакого газавата религиозными лидерами не объявлялось. И это не случайно, поскольку ташкентские улемисты, имевшие в таких условиях все основания для провозглашения священной войны в защиту веры, были заинтересованы в разгроме любой ценой кокандских автономистов (состоявшей преимущественно из представителей казахской интеллигенции). Нетрудно предположить, что призыв к джихаду поднял бы к оружию десятки и сотни тысяч местных мусуль-

ман. Именно поэтому большевики, надо полагать, обеспечили себя гарантией против такого развития событий и действовали без опаски». (Исхаков С.М., 2003. с. 365.).

В результате совместных действий улемистов и большевиков такое государственное образование как Кокандская автономия, просуществовавшая чуть более двух месяцев (с 27 ноября 1917 г. по 19 февраля 1918 г.) пала.

После столь нелюбимых событий лагерь туркестанских мусульман был расколот на сторонников большевизма и автономистов, ориентированных на внешнеполитические силы. Но при этом, недоверие к Советам и большевикам в среде мусульман постимперской России усилилось.

Чтобы окончательно не потерять позиций в Средней Азии, большевики в отношении Бухарского и Хивинского Эмиратов, вели свою дальнейшую политику инкорпорации территорий, учитывая все отрицательные и положительные моменты в борьбе с Кокандом.

К завершению гражданской войны ВЦИК и СНК РСФСР проводят агитационно-пропагандистскую деятельность среди населения, руками которого, в результате революций, большевики свергают власть эмиров (в августе 1920г. в Бухарском эмирате; и осенью 1920г. в Хивинском эмирате). Успех дистанцированной борьбы с властью держащими структурами среднеазиатских эмиратов, позволил большевикам занять передовые позиции в эмиратах и «приблизить к власти» среднеазиатских дехкан, не запятнав свои руки в крови. Притом, что «ленинская национальная политика» и определяла соподчиненность национального и классового вопросов, однако проводить разграничение среднеазиатских владений по принципу «национально-территориального размежевания» было преждевременным: во-первых, не были до конца ликвидированы преемники на власть; во-вторых, были сильны руководящие позиции духовенства; в-третьих, не были уничтожены военизированные формирования в лице басмачества; и, в-четвертых, естественно, необходимо было провести хотя бы предварительные статистические подсчеты на предмет национального состава.

Более объективную картину образования Бухарской и Хорезмской народных советских республик, на наш взгляд, дает казахстанский исследователь Агдарбеков Т.А., который пишет: «К особенностям развития национальной советской государственности народов Средней Азии и Казахстана относится то, что, во-первых, в процессе ее создания первоначально не учитывались экономическое развитие, пробуждение национального самосознания, т.е. во внимание преимущественно брались неформальные, абстрактные моменты и целесообразность тех

или иных методов практической деятельности. Например, национальная советская государственность некоторых народов формировалась ...не в результате волеизъявления местного населения, а на основе решений ленинского ЦК партии большевиков и Советского правительства России...» (Агдарбеков, 1990. с. 17.).

Первоначальное предоставление населению Бухары и Хивы в 1920 году «свободы» распоряжаться своей судьбой как основного составляющего принципа самоопределения народов и наций, но только не на принципах национальной автономии, а на основе создания народных республик было желанием большевиков не потерять из поля зрения территорию, которой можно было легко лишиться. Поэтому учитывался психологический момент: свобода предоставлялась в пределах тех территориальных рамок, которые эмираты имели при Царском и Временном правительстве России. Правящая клика Бухары и Хивы была не единственной силой, противостоящей большевикам. Немаловажную роль в борьбе с «красными» и Советами сыграло басмачество, которое олицетворяло собой силы Ислама. И в первую очередь представителям басмачества было не безразлично определение судьбы эмиратов в их прежних территориальных границах. Именно басмачи, такие как Иргаш или Мадамин-бек, имевшие в своем распоряжении большую численность войск пользовались большим авторитетом и влиянием, как среди духовенства, так и среди простых дехкан. Политическая среднеазиатская клика и руководители басмачества не питали иллюзий по отношению к Западу, но и не делали больших ставок на Советское большевистское правительство. Любые соглашения с представителями Британии или Америки со стороны среднеазиатских руководителей басмачества или национальной интеллигенции, на наш взгляд, можно расценивать как своевременный дипломатический ход, не более того. Об этом знали и сами британцы. Британский военный политик Эссертон по этому поводу пишет: «Мы знали о тесной связи, установившейся между русским Туркестаном, Кавказом и кавказскими странами, проявившими стремление к автономии. Известно было также, что возникло движение с целью создания мусульманского государства, в которое должны были войти Русский Туркестан и Кавказ; этот план уже послужил предметом предложения Афганистану (!!!—С.Н.). Мусульманская пропаганда в значительной мере была в пользу союзников, момент являлся благоприятным для использования стремления к автономии. Создавшееся положение требовало особенно осторожного подхода: неблагоприятно было посылать в Русский Туркестан английскую миссию (т.е. войска), пока продолжались успехи максималистов (кокандских автономистов)». (Божко Ф., 2005, с. 269).

В своем содержании высказывание Эссертонна примечательно, учитывая то, что помимо Афганистана «Туркестан был охвачен английской оккупацией со стороны Персии – Закавказья – Туркмении – Китайского Туркестана (СУАР)». (Божко Ф., 2005, с. 274.)

Действия англичан восходили к следующей схеме действий:

- во-первых, выяснить слабое звено противника (Советской России). В данном случае для большевиков это была угроза создания Халифата;

- во-вторых, провести политику поддержки и «поощрения» своих «сторонников» в рядах недовольных политикой большевиков и Советов через дипломатические миссии и военных эмиссаров;

- в-третьих, оказать усиленное влияние на автономистов Туркестана посредством духовных наставников тех исламских стран, где Англия осуществляет свое господство. Примером может послужить духовенство Афганистана или Ирана, которые вели пропаганду создания «Халифата» среди туркестанцев, бухарцев, хивинцев, кокандцев.

Британцам во внешнеполитических мероприятиях, касавшиеся Советского Туркестана, нужны были «чужие руки», так как «открытая оккупация Туркестана в этот период была нецелесообразна, – появление английских войск в Туркестане с открытыми завоевательными целями могло поднять взрыв антиимпериалистического движения народных масс Центральной Азии и укрепить в огромной степени положение большевиков в Туркестане». (Божко Ф., 2005, с. 268).

Впрочем, так и случилось: официальное провозглашение в начале 20-х годов XX века Хивой и Бухарой социалистической направленности в своем развитии, естественно не без помощи Советов и большевистской партии, так сказать «выбило почву» из-под ног англичан. Советское правительство уже к началу 1920г., посредством различного инструментария (ревкомов, дипмиссий, реввоенсовета, партийных органов) добилось полной инкорпорации Казахстана и государственных образований Средней Азии – Бухары, Хивы и Туркестана в зону своего политического влияния.

По сути, для большевистского руководства это была победа значительного масштаба в деле, пока еще не национального, но территориального размежевания пространств Средней Азии: политическая социализация и постепенная Советизация Хивы и Бухары, в контексте их декларирования их «суверенитета и независимости», обрекли республики на долгие 70 с лишним лет своего советского существования вне рамок «суверенитета и независимости».

Создание ХНСР и БНСР предоставляло большие возможности для большевистского руководства в деле дальнейшего национально-

территориального размежевания в 1924/25 гг. по принципу «ленинской национальной политики».

Библиографический список

1. Агдарбеков Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане (1920-1936 гг.). Алма-Ата, 1990. 184 с.
2. Березкин А. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). М., 1952. 256 с.
3. Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. // Басмачество. М., 2005. 480 с.
4. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М., 2003. 476 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд.4. М., 1973. Т.28
6. О` Коннор Т.Э. Г.В. Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг.: пер. с англ. /Общ. Ред. Ю.С. Борисова; послесл. И.М. Труша. М., 1991. 320 с.

Р.В. Шиженский

*Нижегородский государственный педагогический университет,
г. Нижний Новгород, Россия*

ИЕРАРХИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОЛХВОВ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ НЕОЯЗЫЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В настоящее время большинство русских неоязыческих объединений уже выработали достаточно полную структуру функционирования, включающую всевозможные уставы, манифесты, системы устройства и управления в которых определенное место занимает религиозный – жреческо-волховской компонент, степень влияния которого на всю языческую систему, языческую организацию и следует установить.

В основополагающем документе современных родноверов «Русском языческом манифесте» волхвам отводится роль руководителей языческих общин России и Европы (Васильев М.С., 1997, с. 6). В «Коломенском обращении» (2000 г.) представители Круга языческой традиции (Круг языческой традиции – КЯТ возник в 2002 году. По данным информационно-консультационного центра Св. Иринея Лионского в него входит 23 общины) обозначили статус языческих общин исключительно как религиозных объединений: «Языческая община не является политической организацией или организацией, выполняющей какие-либо политические функции в обществе. Языческая община – есть религиозное объединение, которое, помимо вопросов вероисповедания решает и вопросы идеологического характера» (Коломенское обра-